

Дарья Фромина

Родилась в 1986 году в Ногинске. Окончила филологический факультет Московского областного университета. Училась на литературных курсах Марины Степновой, Майи Кучерской.

Финалистка поэтического конкурса «На крыльях грифона», дважды финалистка конкурса-фестиваля переводов «Берега дружбы». Есть публикации в электронном журнале «Пашня», сборниках прозы и поэзии, журнале «Традиции & Авангард».

Сяду, поеду...

рассказ

Плотный мужчина в синем пуховике, с поношенным рюкзаком Tatonka за спиной вынырнул из духоты метро в февральскую вьюгу. Вокзал встретил его грязно-серым снегом под треккинговыми ботинками, привычной снующей толпой, переливающимися огоньками кафешек, ароматом кофе, сосисок в тесте и шаурмы. От мерзлых путей исходил едва уловимый запах креозота и дальней дороги. Мужчина раскрыл перед равнодушной пожилой проводницей паспорт и шагнул в вагон.

– О, Санёк!

– Башкатик! Сколько лет, сколько зим!

В купе уже сидели его друзья – Сашка Серых по прозвищу Серух и Вовка Дробинин. Ребята сдружились еще в студенчестве в бауманском турклубе. Вообще-то в Бауманке из всех троих учился только Серух, а Башкатов с Дробининым были залетные птицы из соседнего вуза. Серух работал теперь в московском НИИ, специализировавшемся на изготовлении робототехники, Дробинин преподавал высшую математику в альма-матер, а Башкатов трудился бухгалтером, допоздна засиживался в офисе с однотипными отчетами, брал работу на дом, чтобы поскорее погасить ипотеку. Каждое утро он с трудом отрывал голову от подушки, привычно отправлял в рот яичницу и плелся в офис. Вот так начинался новый бесконечный день сурка.

Поезд качнулся, и за окном медленно стало удаляться здание Ярославского вокзала, зеленая шапка Кругового депо, поползли серые постройки промзоны, затем вдалеке показались огни жилых домов. Четвертое ме-

сто в купе осталось свободным, и Башкатов вздохнул с облегчением. Он вполуха слушал оживленную болтовню Серуха про новейшие разработки в робототехнике и незаметно рассматривал друзей. Ребята ничуть не изменились, как будто и не было этих десяти лет с окончания вуза – все такие же подтянутые и веселые, все те же холостяки-туристы, с которыми в юности пуд соли съели: сплавлялись на байдарках по реке Оять, пробирались мимо заснеженных елок и по Каменной реке в Таганае, на Эльбрусе и Ай-Петри поднимали флаг с турклубовским девизом «Напор стихий преодолеть и другу руку протянуть», по очереди тропили по колено в снегу в суровой Кандалакше, тащили лыжи на плечах в новогоднем походе по плато Лаго-Наки.

– Ну как ты, Сань? Сто лет тебя не видел. Смотрю, возмужал, закабанел, – улыбался Серух, дружески хлопая Башкатова по упитанному животу. – Не могу поверить, что Ленка тебя отпустила.

Башкатов в ответ только кивал и улыбался. Он не был в походе с тех пор, как они с Ленкой поженились. Лена, филологиня-библиотекарша, терпеть не могла походы, ночевки в палатке и предпочитала цивилизованный отдых в гостинице. Она любила огни вечернего мегаполиса, суши-бары и гламурные торговые центры. Через полгода после свадьбы взяли ипотеку, и стало совсем не до походов. Ленка не отпускала даже на выходные: «Какой еще турклуб, с ума сошел? Сумки с продуктами я из магазина тащить должна? И ремонт сам себя не делает». Башкатов соглашался, кивал, как китайский болванчик, но все сильнее скучал по сливочным и таким недоступным теперь вершинам далеких гор, по мягкому влажному мху болот, по длинной осоке под резиновым сапогом, по раскидистым веткам елок, по-приятельски кладущим «лапу» на плечо. Он задыхался в четырех сте-

нах офиса-аквариума с кулером и всегда выключенным кондиционером, безжизненные стены давили, отбирали у него силы. Сосны да березы, нарядное поле с ромашками, путанные козьи тропы, будто намазанные сметаной бока гор, блестящие ледники и каменистые морены снились все чаще. Дробинин с Серухом то и дело травили душу – присылали фотографии из своих путешествий и все настойчивее звали с собой. Башкатов ходил кислый и вялый, как высохший лимон, а перед Двадцать третьим февраля совсем раскис – лежал лицом к стене, молчал и обводил пальцем узор на обоях. Жена смотрела искоса, вздыхала и наконец сдалась – отпустила на четыре дня на все четыре стороны.

Башкатов взглянул на экран мобильного. Девять пропущенных от Ленки. Он кинул голосовое в «Ватсап»: «Все нормально, в поезд сел». И выключил телефон.

– Да уж, вид у тебя замученный. Унылый, – почувствовал кудрявый долговязый Дробинин, доставая из рюкзака бутылку настойки, в которой плавали кружок лайма и еловая ветка. – Сейчас реанимировать тебя будем. «Елочкой». Станешь как огурчик.

Серух разлил по кружкам «Елочку». Выпили залпом: «Будем!» Дробинин расчехлил гитару и, вальяжно перебирая длинными пальцами струны, вполголоса затянул свою любимую: «Равновесие не держит наш вагон, словно пьяница шатается в ночи. Только слышен опустевшей тары звон да в кармане тихо звякают ключи...»

В Галиче вышли только они. Дробинин признался, что забыл взять хлеб. В магазине под изумленными взглядами местных пенсионеров – сумасшедшие, идут в поход в такой холод – друзья закупились пятью буханками бо-

родинского и светло-желтым дырчатым полукругом костромского сыра.

Сделали традиционное групповое фото в начале маршрута. Башкатов поежился и поскорее вынул из рюкзака ветрозащитную куртку. Снега становилось больше. Он заполнял все вокруг, показывая свое присутствие в этом мире. Он сыпался как манна небесная, летал, ползал, шевелился, словно живое существо. Идти было трудно, да еще мешал колючий ветер. Но друзья рвались и прорывались, тропили по очереди. Планировали за четыре дня пройти от Галича до Неи – побродить по лесам и замерзшим болотам, посмотреть заброшенные деревни и церкви.

Башкатов чувствовал, что ботинок натирает правый мизинец, но упрямо, стиснув зубы, шел за серым рюкзаком Дробинина с подвешенной на карабин гитарой в кожаном чехле. Гитара явно мешала Вовке идти: то подпрыгивала, то цеплялась за густые еловые ветки, так и норовила соскочить.

В шестом часу, окончательно выбившись из сил, решили вставать на ночевку. Как только Башкатов сел на рюкзак, тут же начинали мерзнуть руки, покалывать ноги. Приходилось все время двигаться. Друзья нашли и завалили сушину, развели костер, разбили лагерь. Башкатов с Серухом утоптали снег под палатку, застелили для тепла лапником, собрали дуги для трехместной палатки, натянули тент, покрепче воткнули колышки в снег, чтобы палатку не сдуло. Дробинин занялся приготовлением ужина: долго растапливал снег, утрамбовывал его в два кана – один для чая, другой – чтобы сварить еду. Макароны получились недоваренные, пересоленные, с комками жира от тушенки, но Башкатов так проголодался, что ему было все равно. Весь вечер он сушил ботинки, придвинув их поближе к костру, вдыхал запах горячей

смолы, стекавшей по полену, слушал, как Вовка с Серухом вспоминают майский байдарочный поход по Мсте. И чувствовал себя наконец-то свободным, беззаботным и счастливым, как в детстве. Когда костер догорел и стало зябко, переместились в палатку. Вовка взял в руки гитару. И в полусне, натягивая на замерзающую голову спальник, Башкатов слушал тихий голос Дробинина, который лился спокойно и размеренно, будто издалека: «Сяду, поеду, развею грусть, в среду к обеду назад вернусь...» Всю ночь Башкатову снились болота, покрытые свежим мягким снежком.

Утром проснулись рано – от холода и голода, с аппетитом позавтракали бородинским хлебом с костромским сыром, вскипятили и залили в термосы чай, собрали лагерь и отправились в путь.

Снегопад закончился, идти стало чуть легче. В Ваганово осмотрели разрушенную церковь восемнадцатого века, под сводом которой свили гнездо вороны. Они, как чернеющие на листе буквы, сидели под куполом и оттуда кидались камнями. На стенах и выступах храма проросли молодые деревья, и их голые ветви, как руки, с мольбою тянулись к небу.

В заброшенных деревнях Афонино, Волково, Никольское друзей встречали покосившиеся крыши, опустевшие и полуразвалившиеся десятки лет назад дома. Башкатову было жаль эти избы, в которых все еще жила душа, мучилась, страдала от одиночества. Мрачные глазницы окон и скрип дверей наводили на Башкатова невыносимую тоску. Почерневшие и прогнившие деревянные стены будто жаловались ему.

Стиральная доска, керосиновая лампа, кровать с рваной периной, обломки русской печи, газеты восьмидесятых годов прошлого века, дырявые эмалированные ведра. Башкатов молча рассматривал оставленные вещи,

и ком в горле становился все больше и уже не давал дышать. Башкатов представил себе, что здесь жил чей-то отец, который с любовью строил этот дом, своими руками вырезал каждую балясину для крыльца, плел корзины, складывал печь с лежанкой. Уехав и бросив отчий дом, люди лишились самого ценного – того, что было у каждого русского человека испокон веков, о чем писали Пушкин, Тургенев, Толстой, – своего родового гнезда. Навсегда потеряли память о предках.

«А чем я лучше них? – вдруг спросил себя Башкатов. – Я ведь сам оставил родной дом, перебрался в Москву. Но стал ли я от этого счастливее?» Башкатов опустил голову и с силой пнул сугроб.

Он вспомнил Александровский район, деревню Соколово, дом за зеленой калиткой, увитый девичьим виноградом. Яблоневый сад с антоновкой и белым наливом, нарядно зеленеющие грядки «синеглазки», моркови и чеснока. Среди кустов крыжовника клюют червяков и кудахчут белые куры с нежными красными гребешками, розовыми лапками и резными хвостами, как у свадебных голубей. Мать в выцветшем сарафане стоит у «мартена» – сезон заготовок. Ровными слоями утрамбовывает в трехлитровые банки пупырчатых зеленых «самураев» – она так называет огурцы. В каждой банке кроме огурцов – соль, головка чеснока и зонтик укропа. Мать заливает их кипятком из чайника. Стенки банки потеют. Все в доме пропитано ароматом укропа и чеснока.

В огороде отец делает грядку: методично и ловко наступает берцем на лопату и переворачивает ровный квадрат земли. Майка на спине отца взмокла. Рядом вертится немецкая овчарка Лада с любопытными карими глазами. Она радуется, сбивает с ног меховым своим хвостом, встает на задние лапы и норовит поцеловать в лицо.

Февральские короткие и снежные дни кто-то слизывал шершавым языком, словно кот сметану. Каждый день друзья находили буреломы и непролазные просеки, заросшие молодым леском. Продирались через них медленно – сугробы и деревья не желали расступаться. Елки цеплялись ветками-пальцами за лямки рюкзака, кидались снежками, стараясь попасть за шиворот.

В итоге дошли только до Николо-Поломы, встали на ночевку в лесу недалеко от населенки. Оттуда на утреннем автобусе предстояло добраться до Неи и сесть в поезд.

Ночью, окуклившись в спальном мешке Bask, Башкатов все не мог уснуть. Он чувствовал, как гудят после долгого ходового дня ноги, слушал, как успокаивающе шуршат по тенту палатки ветер и снег, как посапывают рядом друзья, пытался согреться собственным дыханием и думал о том, что поход никогда не повторяется. Он каждый раз другой. Тоже интересный, тоже остаются светлые воспоминания, но оттенки чувств и эмоций всегда разные, даже если идешь с теми же людьми. Башкатову очень захотелось, чтобы они с Вовкой и Серухом вот так же когда-нибудь снова пошли в поход – за новыми впечатлениями и эмоциями. Ведь ради этого и стоит жить.

Обратно в поезде ехали молча. Каждый думал о своем. Башкатов почти все время лежал на верхней полке, слушал звон чайной ложечки, которая никак не могла уgomониться и металась, пытаясь вырваться из стакана. Перед глазами проносились заснеженные деревья, матово-белые, будто посыпанные мукой поля – простые

среднерусские пейзажи, настолько родные и любимые, что сильнее забилося сердце и защипало глаза. Башкатов вынул из кармана флиски разрядившийся смартфон. Надо было поставить на зарядку и позвонить Ленке, сообщить, что все в порядке. Но не хотелось. Он убрал мобильный обратно в карман. Башкатов вспомнил, что завтра придется идти на работу. Толкотня в метро, духота и многолюдность офиса, черно-белые листы бухгалтерских отчетов – все это представлялось ему теперь каким-то далеким, невзаправдашним, будто из другой реальности.

Поезд качнулся в последний раз и встал. На перроне друзья обнялись, попрощались, пристально глядя друг другу в увлажнившиеся глаза. Дробинин и Серух пошли к ждавшей их машине «Яндекс.Такси», а Башкатов хотел уже повернуть к метро, но случайно взгляд его упал на табло: электропоезд Москва – Александров через пять минут.

«Вроде бы недалеко от Москвы, а дома бываю раз в году. Все некогда, все дела, дела», – подумал Башкатов и вспомнил, как на прошлый Новый год на заиндевавшем пеньке кололи дрова вдвоем с отцом. Как потом вдыхали тягучий аромат печного дыма, размачивали пахнувший лесом березовый веник в алюминиевом тазу с кипятком. Башкатов вспомнил, как обжигает стопы снег, когда босиком идешь к проруби, разгоряченный жаром русской бани. Вот оно, счастье.

Весь день упрямо сыпал крупный мокрый снег, словно хотел навсегда замести чьи-то следы. Прохожие с недоумением наблюдали, как мужчина в синем пуховике и с огромным рюкзаком бежит, расталкивая всех на сво-

ем пути. Вот он влетел в закрывающиеся двери полупустой александровской электрички, отдышался, снял рюкзак и сел на жесткое деревянное сиденье.

– Следующая станция – Москва-3, – раздался убаюкивающий женский голос, и электричка, словно гигантская зеленая гусеница, поползла в сторону области.

Летящие по ветру снежинки налипали на оконное стекло, как белый пластилин, и не таяли. А мужчина улыбался и напевал себе под нос приставшую как банный лист песню: «Сяду, поеду, развею грусть. В среду к обеду я не вернусь».